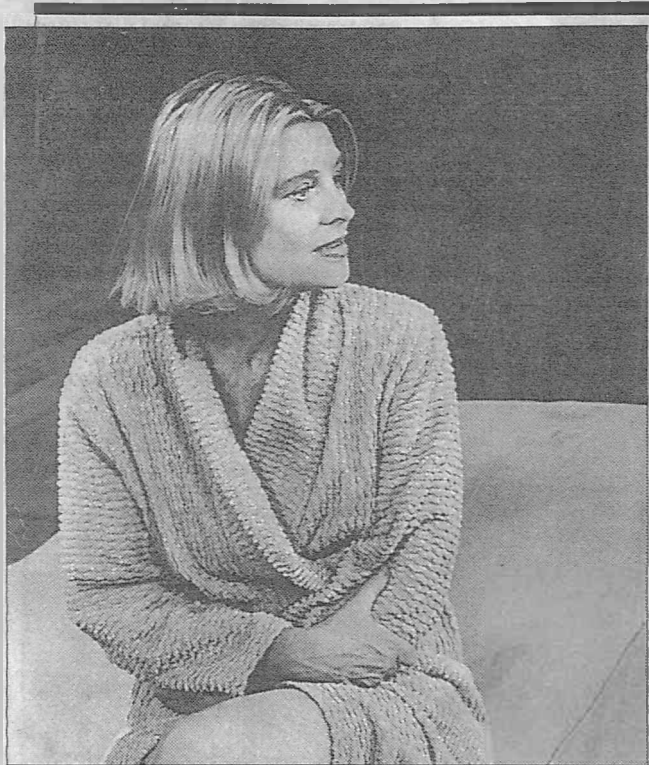

материализуются эротические фантазии, и мечты о любви, кажущейся недостижимой, становятся явью.

В лаконичной, но очень выразительной сценографии Энтони Уорда начальная сцена во дворце Тезея выглядит раздражающе ярко и одномерно. Но когда действие перемещается в лес, образ спектакля внезапно обретает таинственную романтическую глубину. И Тезей и Ипполита (Алекс Дженнингс и Стелла Гонет) — аристократически красивая и элегантная пара, в которой благородная сдержанность обоих не может скрыть ни бурного противоборства темпераментов, ни неудержимой тяги друг к другу — предстают перед нами в облике Оберона и Титании, пары, столь же темпераментной и чувственной, но куда более экстравагантной и раскованной.

Из поэтичной сказочной атмосферы прихотливый поворот спектакля переносит нас во вполне реальную современную городскую обстановку, где афинские ремесленники репетируют пьесу к свадьбе Тезея — уморительно смешной, чисто фарсовый эпизод. И вновь сцены в лесу. Они то мистически таинственны, то лирически нежны, то грубо комичны, и полны разнообразных оттенков эротики, от неуловимо тонких до рискованно острых. Это же сон, а во сне чего только не бывает!

Под конец все влюбленные пары, счастливо соединившись после пережитых тревожных, с удовольствием смотрят трагедию о Пираме и Тисбе, которая в исполнении ткача Основы и его друзей выглядит как чисто цирковая клоунада. Зрители на сцене и зрители в зале хохочут с такой радостью и с таким по-детски непосредственным простодушием, какие в сегодняшней чисто взрослой аудитории нечасто увидишь.

В Королевском Национальном театре режиссер Мэтью Уорчус начинает спектакль "Вольпоне" с пролога,

Британские парадоксы

Марина БЛАГОНРАВОВА

На Первом Международном фестивале национальных театров, который пройдет под эгидой Министерства культуры России и Малого театра, Великобританию представляет Театр КЛЮИД из Уэльса с пьесой Гарольда Пинтера "В былые времена". Пьеса эта, у нас совершенно неизвестная, была впервые поставлена в Лондоне в 1971 году, и с тех пор ставилась в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Мельбурне, Париже, Риме, Варшаве и еще в добром десятке европейских городов.

Как объявили на пресс-конференции фестиваля, его участники — театры, "наиболее полно выражающие национальные традиции своих стран". Таким образом можно ожидать, что спектакль "В былые времена" будет рассматриваться как некий эталонный образец британской традиции.

Меня, как человека, недавно побывавшего в Лондоне и получившего некоторое представление о том, чем сегодня живет британский театр (в числе других спектаклей я видела и "В былые времена"), такой подход, признаюсь, несколько пугает. И вовсе не потому, что спектакль недостаточно хорош.

В июле, два месяца спустя после премьеры в Уэльсе, он был перенесен на сцену одного из театров лондонского Вест-Энда, куда удостоиваются чести попасть самые яркие и кассовые постановки из других районов Лондона и других частей страны. Рецензий было столько, сколько не получила ни одна другая лондонская премьера последних месяцев.

Проблема вот в чем. Как это ни парадоксально в свете наших привычных представлений о британском консерватизме и приверженности традициям, никакой единой традиции в сегодняшнем британском театре просто не существует. Во всяком случае, в том смысле, в каком это понимается у нас.

Нет ни одного театра, который бы, как наш Малый, был сосредоточен только на классическом и историческом репертуаре. Вообще среди лондонских премьер пьес современных авторов гораздо больше, чем классики.

В Ройал Корт, одном из старейших и авторитетнейших театров страны, этим летом с ошеломляющим успехом шла пьеса "Моджо", которую написал 26-летний драматург-дебютант Джек Баттеруорт. Театр, который, по-нашему выражаясь, является национальным достоянием, поставил черную комедию о кровавой борьбе за обладание звездой рок-н-ролла в ночном клубе в Сохо в 1958 году. Пьесу, мастерски написанную, поразительно живую и динамичную, очень смешную — но вместе с тем мрачную, жестокую и, с точки зрения традиционных норм, абсолютно непристойную.

Ни один театр Великобритании не клянется в верности какой-то определенной школе или художественному методу. И многие, как Королевский Шекспировский театр, заявляют, что их важнейший принцип — новое видение известных пьес.

"Сон в летнюю ночь", который поставил в Королевском Шекспировском театре его художественный руководитель Эдриен Нобл, весь соткан из смелых и свободных соединений стилей и жанров, дразняще капризных метаморфоз образов и настроений. Комедия Шекспира предстает в нем как волшебный сон, в котором осуществляются подсознательные желания,

которого в пьесе Бена Джонсона нет. Под апокалипсически мрачное, мощное и зловещее пение хора на вращающемся круге сцены с бесконечной чередой черных дверей люди в черном с горящими факелами в руках гонятся за человеком в белой ночной рубашке. А над всей этой адской кутерьмой опять же на черном фоне выразительно вырисовываются три неподвижные клоунские фигуры в бело-красных костюмах в стиле комедии дель арте.

Кошмарный сон Вольпоне, предвестник кары, которая постигнет этого бесстыдного сребролюбца, является собой зрелище столь мощно впечатляющей театральности, что от восторга просто мурашки бегут по коже.

Если и есть в сегодняшнем британском театре какая-то общая традиция, то это традиция любви к театру. Театр в этой стране не служит ни средством в завуалированной форме высказать какие-то идеи, которые прямо высказать невозможно, ни отдушиной, в которую выплескиваются те или иные общественные эмоции. Театр здесь — просто театр, и ничего больше. Но этого достаточно, чтобы он был людям необходим.

Двадцать четвертое августа. В Лондоне невероятная жара. День будний, два часа дня — но на спектакле Королевского Шекспировского театра "Кориолан" зал, вмещающий, вероятно, больше тысячи человек, практически полон. Лишь по бокам огромного амфитеатра кое-где виднеются свободные места.

В разные годы и в разных странах, в зависимости от общественной ситуации, в постановку "Кориолана" привносились различные политические акценты — от прославления Кориолана как "сильной руки", необходимой народу, до утверждения идеи, что народные массы являются главной движущей силой истории.

В нынешнем лондонском спектакле взгляд и на Кориолана, и на народ равно трезв и беспристрастен. 26-летний Тоби Стивенс в роли Кориолана потрясающе ярко показывает мучительный тупик двойного предательства, в котором оказался отважный безжалостный воин, возмнивший себя сверхчеловеком. А режиссерские акценты Дэвида Тэкера и сценография Фрэнка Томпсона, построенная на образах времен Великой французской революции, придают противопоставлению лидера и толпы далеко не однозначную многомерность.

Стальная решетчатая перегородка опускается на сцену, как нож гильотины. Задник с нарисованной на нем женщиной с картины Делакруа "На баррикадах" раздвигается посередине, открывая кроваво-красное пространство поля битвы — и раздирая символ свободы пополам.

Народ на ступенчатых платформах по бокам сцены возбужденно и бестолково требует то хлеба, то справедливости, то чего-то еще — взбуряющаяся людская масса Национальной Ассамблеи, или любой другой эпохи, не вызывающая особых симпатий. А двое трибунов, по меткому выражению одного из лондонских критиков, напоминают коррумпированных чиновников Британского Конгресса Тред-юнионов.

В спектакле "В былые времена", однако, нет ни брошенных сценических эффектов, ни поражающих воображение экспериментальных новшеств. Это камерный, интимный спектакль с участием всего трех актеров, где внешне почти ничего не происходит, а внутренне происходит очень многое.

К Кейт, уединенно живущей со своим мужем Дили в их загородном доме, приехала ее старая подруга Анна, с которой они не виделись двадцать лет. Анна пу-

скается в воспоминания о былых временах, когда они с Кейт вместе снимали комнату в Лондоне. Видя в этих воспоминаниях угрозу своему семейному счастью, Дили пытается помешать вторжению Анны в их жизнь — и, в свою очередь, тоже начинает кое-что вспоминать.

Так ли все было в действительности, как они говорят, или не совсем так, или этого вовсе не было, не имеет значения. Прошлое важно здесь лишь постольку, поскольку через него люди выясняют свои отношения в настоящем. Каждый из двоих хочет показать, что лучше знает Кейт и имеет на нее больше эмоциональных прав, чем другой.

В роли Кейт Джули Кристи — популярнейшая кинозвезда шестидесятых годов, сыгравшая, в частности, Лару в голливудском фильме "Доктор Живаго". В театре это всего вторая ее роль. Первой была Елена Андреевна в "Дяде Ване".

Кейт большую часть времени сидит, по-кошачьи уютно свернувшись в кресле, и с безмятежной ласковой улыбкой молча слушает разговор Дили и Анны. Но в ее притягательной, чувственной женственности ощущается какая-то загадочно неуловимая суть. И в конце концов она ясно дает понять и Анне, и Дили, насколько она внутренне далека от них обоих.

Дили, которого играет известный актер театра и кино Ли Лоусон, невозмутимо насмешлив и обаятельно ироничен. Но в его живом, артистичном ерничаньи, которое то и дело вызывает в публике смех, ирония постепенно уступает место сарказму. А предчувствие надвигающегося краха иллюзий находит выход во внезапных истерических выкриках.

В роли Анны — Хэрриет Уолтер, чье имя в буклете театра Ройал Корт упоминается среди имен самых знаменитых выступавших здесь актеров рядом с именем Лоуренса Оливье. Ее элегантную, уверенную в себе Анну не смущает ни ласковая отстраненность Кейт, ни насмешливый скепсис Дили. Но наступает момент, когда мы видим ее растерянность, страх и боль.

Непримиримый поединок Анны и Дили большей частью проходит в рамках характерной британской сдержанности и вежливости, с любезными, хотя и напряженными улыбками. Истинный смысл речей проявляется лишь в оттенках интонаций, в тончайших деталях мимики, взглядов, жестов. "Типично английский спектакль", заметил кто-то из зрителей, выходявших вместе со мной из театра.

Спектакль этот, поставленный режиссером Линдой Дэвис и художником Джулианом Макгауаном, чьи декорации удачно подчеркивают сюрреальный оттенок пьесы, вызвал много восторженных отзывов. Но была и критика. В двух словах, она сводилась к тому, что ощущение угрозы и яростного противоборства выражено недостаточно сильно, и острый драматизм финала возникает несколько неожиданно. Я с этим мнением согласна.

Но во всяком случае, если считать национальный менталитет и манеру поведения частью традиции, у желающих рассмотреть "В былые времена" с точки зрения британских традиций в самом деле будет пища для размышлений.

● "В былые времена". Кейт — Джули Кристи, Анна и Дили — Хэрриет Уолтер и Ли Лоусон.